

Галина Владимировна Горнова

Национальный исследовательский университет ИТМО, доктор философских наук, доцент Института дизайна и урбанистики, Санкт-Петербург, Россия; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, научно-образовательный центр «Гуманитарная урбанистика», Великий Новгород, Россия
e-mail: gornovagv@yandex.ru

Данил Валерьевич Воронин

Национальный исследовательский университет ИТМО, старший преподаватель Института дизайна и урбанистики, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: voronin.dv@itmo.ru

**Локальная идентичность в градостроительном развитии:
культурологический инструментарий категоризации смысла**

Аннотация. В статье представлена постановка проблемы «пространственной привязки» ценностных значений городской идентичности, что является важным не только для исследований теоретических аспектов идентичности, но и для прикладного использования данных социально-гуманитарных знаний в проектах градостроительного развития. Цель исследования — подобрать культурологический инструментарий для решения проблемы. В качестве рабочего определения предлагается использовать термин «маркер идентичности», а также обратиться к классическим пространственным понятиям культурологии — к локусам, топосам и хронотопу.

Ключевые слова: городская идентичность, локальная идентичность, маркер, локус, хронотоп.

Galina V. Gornova

ITMO National Research University, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Institute of the Design and Urban Studies, Saint Petersburg, Russia; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Scientific and Educational Center “Humanitarian Urbanistics”, Veliky Novgorod, Russia
e-mail: gornovagv@yandex.ru

Danil V. Voronin

ITMO National Research University, Senior Lecturer of the Institute of the Design and Urban Studies, Saint Petersburg, Russia
e-mail: voronin.dv@itmo.ru

**Local Identity in Urban Development:
Cultural Tools for Categorizing Meaning**

Abstract. The article presents a statement of the problem of “spatial binding” of the values of urban identity, which is important not only for research into the theoretical aspects of identity, but also for the applied use of social and humanitarian knowledge in urban development projects. The purpose of the study is to select cultural tools to solve the problem. As a working definition, it is proposed to use the term “marker of identity”, and also turn to the classical spatial concepts of cultural studies — loci, toposes and chronotope.

Keywords: urban identity, local identity, marker, locus, chronotope.

Введение (Introduction)

Любая идентичность (культурная, этническая, профессиональная, возрастная, гендерная и пр.) — сложно формализуемое явление. Городская идентичность не стала исключением, однако она имеет ряд специфических свойств, которые позволяют прояснить феномен идентич-

ности, в теоретическом плане — как проблему социально-гуманитарных наук, а в практическом — дают возможность использовать данные гуманитарных наук в управлении развитием территории как в масштабных стратегиях пространственного развития, так и в проектах меньшего масштаба по градостроительным преобразованиям конкретных террито-

рий, в идеале с ревитализацией смысла и с более чутким отношением к символическим ресурсам территории. Среди таких свойств городской идентичности стоит выделить ее перцептивность и апперцептивность, т. е. связь идентификационных процессов личности с восприятием городского пространства, а также дальнейшей интерпретации непосредственного восприятия с опорой на собственный индивидуальный опыт и на прошлый социальный опыт, сохраняемый городской культурой.

Категоризация социального и культурно-исторического опыта позволяет зафиксировать перцептивные образы и существующий спектр их интерпретаций. Для исследования городской идентичности важны образы, связанные с конкретным пространством, таким образом происходит «пространственная привязка» целого перечня ценностных значений. Для прикладного использования важна формализация значений, что можно осуществить, используя культурологический инструментарий, описывающий сопряжение смыслов городской культуры и городского пространства: маркеры, локусы, хронотопы.

Теоретическое знание о локализации значимых смыслов важно для градостроительного развития в том числе и потому, что может помочь сократить количество и интенсивность конфликтов, неизбежных при градостроительных изменениях территории.

Методы (Methods)

В исследовании локальной идентичности применяется постмодернистская методология анализа процессов глобализации и ее влияния на индивидуальную и социальную идентичность, а также концепция глокализации Р. Робертсона, синтезирующая представления о глобальном и локальном, семиотический подход к исследованию пространства и герменевтический метод интерпретации смыслов идентичности.

Литературный обзор (Literature Review)

Междисциплинарность категории идентичности, в которой происходит фиксация представлений об уникальности субъекта — человека, включенного в идентификационные процессы, и неповторимости объекта — города, произведения искусства, определенного природного ландшафта и пр., с которым субъект себя идентифицирует, а также включение в социальные общности со сходной идентичностью, отражена рядом концепций современной философии и социально-гуманитарных наук. В рамках данной статьи важна прежде всего постмодерная актуализация идентичности, поскольку в ней акцентируется внимание на болезненных проблемах современности. Так, З. Бауман при исследовании «текучей модерности» (Liquid Modernity) определил ее базовые характеристики как уязвимость и ненадежность, а идентичность рассматривал как один из немногих способов укрепиться в бытии, научиться жить с неустойчивостью и тревожностью как константами существования, при этом Бауман пессимистично относился к самой возможности преодолеть уязвимость [1]. М. Кастельс в исследованиях информационной эпохи показывает, что в современном мире одновременно действуют разнонаправленные процессы глобализации и локализации, но при этом «пространство

потоков» побеждает «пространство мест». В этом подходе городская идентичность может быть понята как идентичность сопротивления и проективная идентичность, противостоящая экстерриториальной легитимирующей идентичности [2]. Р. Робертсон противоречия между глобализацией и локализацией поясняет с помощью концепции глокализации, в которой показывает, как местные сообщества не позволяют размывать свою локальную идентичность и могут успешно встроиться в мировые экономические и политические тренды, но при этом предупреждает об опасности того, что сохранение локальной идентичности любой ценой может привести к архаизации общества [3], т. е. у локальной городской идентичности, как и у любой идентичности, тоже есть своя «темная сторона», о чём важно не забывать и в теоретических рассуждениях, и в практических попытках изменить мир градостроительными средствами.

Территориальная идентичность в своих разных формах (региональная, городская, вернакулярная), выступающая одним из устойчивых оснований идентичности в уязвимом мире «текучей модерности», анализируется в трудах современных отечественных исследователей С. С. Аванесова [4], Е. В. Головневой [5], Н. И. Мартишиной [6], Н. Г. Федотовой [7].

Практики переосмысления и преобразования локальной идентичности отражены в концепциях социального производства пространства и в подходе социального конструктивизма, в которых локусы/топосы/места представлены как объекты, производящиеся и воспроизводимые в процессах социального взаимодействия у А. Лефевра [8] и Д. Харви [9]. Также формирование локальной идентичности зависит от свойств воображимости как пространства, так и социальных общностей, что представлено в классических концепциях К. Линча [10] и Б. Андерсона [11] и в современных рецепциях этих работ в исследованиях «городского воображаемого» Е. И. Спешиловой [12] и Н. Г. Федотовой [13].

Формирование локальной идентичности в этнографических подходах изучается с опорой на представления о пространственном воплощении культуры, как в последнем труде С. Лоу [14], что сближает эту работу с исследованиями городского неравенства в символической экономике Ш. Зукин, которая указывает, что в настоящее время политика идентичности становится рыночной категорией и подчеркивает, что тот, кто имеет власть над созданием образов, и формирует коллективную идентичность пространства [15; 16].

Семиотика (художественного) пространства создает культурологический инструментарий, оперирование которым позволяет точнее описать текущую ситуацию конкретного городского пространства и обосновать его возможное или невозможное преобразование градостроительными средствами. Прежде всего это понятия локусов, топосов, хронотопа, представленных в классических трудах Ю. М. Лотмана, С. Ю. Неклюдова, Б. А. Успенского, В. Н. Топорова и М. М. Бахтина [17; 18].

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Существует проблема параллельного существования двух типов знаний о городах: социально-гуманитарного и управленческо-градостроительного. Объект исследования —

реалии городской жизни — у них один. Цель исследования в целом совпадает — сделать жизнь лучше. Различаются способы достижения цели и риски отклонения от движения к цели.

Способ социально-гуманитарного знания — познание города как целостного объекта со всем многообразием присущих ему социальных взаимодействий. Управленчески-градостроительный способ достижения цели — преобразование города с максимальным сохранением его уникальности и проектированием направлений будущего развития, оптимальных для этого города.

Рисками отклонения от движения к цели в гуманитарном знании может быть утрата целостности объекта познания, вызванная сложностью самого объекта и углубляющейся специализацией познавательных практик, фиксирующихся на разных аспектах городской жизни. Рисками градостроительного знания может стать профессиональный voluntarism в принятии решений о желаемом образе будущего и оппортунизм градостроительной практики с ориентацией не на общее благо, а на интересы конкретных акторов социальных изменений.

Доверие между двумя типами профессионального знания о городах могло бы снизить риски и издержки градостроительного развития. Сложность состоит в использовании разных языков описания реальности. Гуманитарное знание оперирует сложно формализованными сущностями, значимая часть которых вряд ли может быть подвергнута процедурам количественных измерений. Градостроительная практика нуждается в уточнении критериев блага, уникальности и пр.

Представляется, что ряд культурологических понятий может быть использован для категоризации пространственных смыслов идентичности, учет которых является залогом создания качественных проектов градостроительного развития. В качестве рабочего понятия можно использовать «маркер идентичности», главной функцией которого является номинация — фиксация смысла. Классические понятия локуса и хронотопа в исследованиях идентичности могут быть использованы для «пространственной привязки» существующих, выявленных и актуализируемых ценностных значений территории, в ряде случаев — социально сконструированных ценностных значений, хотя эта практика удачной бывает достаточно редко из-за несовпадения спектра ценностных значений со смыслами пространства и локальных сообществ или же из-за изначального манипулятивного использования номинации.

Для прикладного использования категоризировать маркеры идентичности можно по структурным компонентам городской идентичности — когнитивному, аффективному, ценностно-нормативному и практическому [19]. В этой статье для примера остановимся на первых двух группах маркеров. В когнитивных маркерах фиксируются значения, связанные с природно-ландшафтными, историко-культурными, мемориально-событийными характеристиками городской среды. Материалом для выявления когнитивных маркеров идентичности могут быть топонимы, в которых закрепляется характерный признак объекта номинации, содержатся исторические и географические знания. Например, Ени-

сей — от эвенкийского Ионесси — большая вода (связь с историей места); годоним Невский проспект образован от гидронима Нева (связь с геоландшафтом); в годониме Московский проспект содержится указание на направление движения из Петербурга, первое имя Московского проспекта — Царскосельская дорога/проспект — тоже указывало на направление выезда из города. Название улицы Тарская в Омске отсылало к началу движения в сторону к другому городу — Таре, по Тарскому тракту. Когнитивные маркеры идентичности, таким образом, неявно становятся ориентирами, системой координат для человека, выросшего в этом городе или долго в нём живущего. Поэтому вопросы переименования улиц влияют на локальную идентичность жителей и могут восприниматься болезненно, так как разрушают привычную картину мира.

Частые изменения топонимики города в некотором роде похожи на пространственную дезориентацию личности. Хорошей иллюстрацией может служить отрывок из романа чешского писателя М. Кундеры: «Улица, на которой родилась Тамина, именовалась Шверинова. Это было в годы войны, когда Прага была оккупирована немцами. Ее отец родился на Чернокостелецком проспекте. Это было во времена Австро-Венгерской империи. Когда мать Тамини вышла замуж за ее отца и переехала к нему, этот проспект уже носил имя Маршала Фоша. Это было после Первой мировой войны. Детство свое Тамина провела на проспекте Сталина, а муж увез ее в новый дом уже с улицы Виноградской. Но между тем это была одна и та же улица, только постоянно меняли ее название, промывали мозги, чтобы она окончательно очумела. По улицам, не зная своего названия, бродят призраки поверженных памятников» [20, с. 228].

Как искать «пространственную привязку» когнитивных маркеров для градостроительного использования этого знания о локальной идентичности? Надо выделить локус идентичности как место максимальной концентрации маркеров идентичности. Культурологическое понятие «локус» обозначает «закрытый культурный фрагмент пространства», что отличает его от «топоса» как открытого, неограниченного пространства, примеры употребления терминов: *локус* города и *топос* степи [21, с. 88–89]. Визуализация пространственных данных может быть выполнена с помощью инструментов геоинформационной системы (ГИС) и с помощью текстовой аналитики социальных медиа, отзывов пользователей сервисов, имеющих пространственную соотнесенность (2ГИС, Яндекс Карты, OpenStreetMap и пр.). Такая текстовая аналитика позволит выделить вернакулярные топонимы и строить гипотезы о локальных сообществах, в том числе и о ценностях сообществ, на основе которых происходит идентификация.

Аффективные маркеры идентичности так или иначе связаны с чувством места (*sense of place*), привязанностью к месту (*place attachment*). Чувство места — это эмоциональное отношение к обжитому человеком пространству, имеющему биографически событийную связь с территорией. Такое чувство может вызывать город (район) детства/отрочества человека или сознательно выбранное место для жизни, или любимые места в городе/городах. *Sense*

of place — многозначное понятие, sense — это не только чувство, но также ощущение, значение, смысл, т. е. привязанность к месту оказывается связана со смыслом жизни человека. На социальном уровне идентичности чувство места связано с образованием локальных сообществ, ощущение причастности к «мы — живущие здесь» или «мы — те, кому дорого это место» актуализируется, когда этому месту начинает грозить опасность быть уничтоженным. Деятельность градозащитников частично основана на этом переживании связи с местом. Идентичность сопротивления, о которой пишет М. Кастельс, проявляется здесь, так как почти всегда вмешательство в городскую среду связано с противоречиями процессов глобализации — локализации [2].

С чувством места связаны ностальгия и солалстальгия (solastalgia). Ностальгия (от греч. nostos — возвращение домой, на родину и algos — боль, страдание) — это, если буквально следовать этимологическому значению, страдание, вызванное невозможностью вернуться домой. В более привычном варианте — это тоска по родине. В современной трактовке к невозможности вернуться домой добавилось временное измерение — тоска по прошлому, невозможность вернуться в прошлое, т. е. такое состояние, когда человек в настоящем не чувствует себя как дома.

Город меняется, и человек, вернувшийся в город детства, может не узнать его, не узнать — не на рациональном уровне (топография города крайне редко меняется в течение человеческой жизни), а на аффективном уровне — не те переживания он ожидал испытывать, образ реального города редко совпадает с образом города из воспоминаний. Частично это связано с феноменом «городского воображаемого», с тем, как город преломляется в наших воспоминаниях и надеждах [12; 13].

Модус времени, содержащийся в ностальгии, отсылает к культурологическому понятию хронотопа. По Бахтину, хронотоп — это «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе», «неразрывность пространства и времени (время как четвертое измерение пространства)», в хронотопе происходит «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом» [18, с. 234–235]. Для урбанистики использование понятия хронотопа может быть полезно благодаря его способности фиксировать ценностные значения пространственных «анклавов времени» и на основе анализа этого смысла оценивать направления развития города в связи с его идентичностью. Например, мучительные споры по векторам развития Петербурга (в чём уникальность — в прошлом или в будущем?) завязаны на антиномии ценностных значений хронотопа имперского Петербурга, его классических архитектурных ансамблей, и хронотопа авангардного Петербурга с его конструктивистскими строениями.

Неологизм «солалстальгия (solastalgia)» ввел философ-эколог Г. Альбрехт в противовес ностальгии при разработке новой концепции здоровья и идентичности. Солалстальгия (от англ. solace — утешение, desolation — запустение, пустошь, algos — боль) — это страдание, вызванное отсутствием утешения и чувством изоляции, связанных с нынешним состоянием дома и территории [22, р. 45]. Солалстальгию можно поставить в один ряд с симптомами патологии места в за-

падной культуре: дезориентация, нарушения памяти, депрессия. Г. Альбрехт сравнивает современных людей с индейцами навахо и другими коренными народами, которых согнали с их земли, а также с людьми, которые из-за природных катастроф или войн потеряли свой дом, свое место.

Однако в солалстальгии нет смещенных пространственно-временных измерений, она вызвана нарушением идентичности из-за того, что место, в котором человек живет, к которому привязан, подвергается внезапному изменению, вмешательству извне, которое человек не может остановить ни в одиночку, ни со своим локальным сообществом. Модусом ностальгии является прошлое, солалстальгии — настоящее. Альбрехт приводит в пример расширение добычи угля открытым способом в Хантер-Вэлли в Новом Южном Уэльсе, где карьеры практически подошли к домам жителей, на месте леса, который они раньше видели из своих окон, появились пылящие угольные карьеры. Другие примеры из этой статьи мы можем наблюдать практически в любом городе — вырубка деревьев, снос исторических зданий, исчезновение привычного вида из окна.

Солалстальгия — это отчаяние, страдание, связанные с разрушением идентичности, бессилием защитить место, которое опустошается, теряет свою уникальность и возможность приносить человеку утешение. Место теряет свою жизнеспособность, человек — идентичность.

Аффективные маркеры имеют непосредственное пространственное воплощение, они могут фиксироваться классическими методами городских исследований и методами цифровой урбанистики — использованием карты эмоций, картированием хороших и плохих мест в городе, фиксацией локальных сообществ, составлением метрик аффективности при использовании геопривязанных данных и пр., на основании чего можно строить прогнозы относительно градостроительных преобразований. Однако самое главное при работе с аффективными маркерами — это понимание того, насколько сильны чувства и переживания человека, связанные с тем местом, где он живет.

Заключение (Conclusion)

Локальная идентичность является значимым ресурсом градостроительных преобразований. Города не могут не развиваться, даже самый лучший город с достойной историко-культурной средой, по выражению Джейн Джекобс, превратится в изделие таксидермиста, если будет все свои усилия прилагать исключительно к сохранению прошлого и к защите от будущих изменений. Работа с локальной идентичностью важна для того, чтобы в ходе преобразований не был нанесен ущерб уникальности города, не было травмирующего воздействия на чувство места горожан. Эта работа важна и в тех случаях, когда ценностные значения и смыслы территории становятся утраченными по целому ряду причин, и тогда начинается исследование символических ресурсов города для ревитализации идентичности. Использование культурологического инструментария для категоризации смыслов городской культуры в проектах градостроительного развития позволит избежать ошибок при работе с локальной идентичностью, сократить количество конфликтов, неизбежно возникающих при преобразовании городской среды.

Библиографический список

1. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
2. Castells M. The Power of Identity. 2nd ed. Chichester : Wiley-Blackwell, 2010. 592 p.
3. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // *Global Modernities* / eds.: M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London : Sage Publications, 1995. P. 25–44.
4. Аванесов С. С. Визуальные паттерны городской среды и локальная идентичность // *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. 2023. № 4 (38). С. 14–36. DOI: 10.23951/2312-7899-2023-4-14-36
5. Головнева Е. В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале Сибирского региона) : дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2018. 339 с.
6. Мартишина Н. И. Мифологический компонент в конструировании образа города и городской идентичности // *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. 2020. № 3 (25). С. 168–178. DOI: 10.23951/2312-7899-2020-3-168-178
7. Федотова Н. Г. Внутренний потенциал городской идентичности // *Общество. Среда. Развитие*. 2023. № 3 (68). С. 130–133. DOI: 10.53115/19975996_2023_03_130-133
8. Лефевр А. Производство пространства. М. : Strelka Press, 2015. 432 с.
9. Harvey D. The Right to the City // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2003. Vol. 27, no. 4. P. 939–941.
10. Линч К. Образ города. М. : Стройиздат, 1982. 328 с.
11. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2001. 288 с.
12. Спешилова Е. И. Urban Imaginary в контексте исследований городской среды // *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. 2023. № 4 (38). С. 59–78. DOI: 10.23951/2312-7899-2023-4-59-78
13. Федотова Н. Г. Urban Imaginary: визуальные маркеры городского воображаемого // *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. 2020. № 1 (23). С. 121–139. DOI: 10.23951/2312-7899-2020-1-121-139
14. Low S. Why Public Space Matters. Oxford : Oxford University Press, 2023. 317 p.
15. Зукин Ш. Культуры городов. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 424 с.
16. Зукин Ш. Обнаженный город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 360 с.
17. Лотман Ю. М. Семиотика пространства // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн : Александра, 1992. С. 386–471.
18. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Художественная литература, 1975. С. 234–407.
19. Горнова Г. В. Визуально-семиотические аспекты городской идентичности // *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. 2019. № 3 (21). С. 62–74. DOI: 10.23951/2312-7899-2019-3-62-74
20. Кундера М. Книга смеха и забвения. СПб. : Азбука, 2003. 336 с.
21. Прокофьева В. Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // *Вестн. Оренбург. гос. ун-та*. 2005. № 11 (49). С. 87–94.
22. Albrecht G. 'Solastalgia'. A New Concept in Health and Identity // *Philosophy Activism Nature*. 2005. No. 3. P. 41–55.